

Каган Олег

25.12.97

Он влетел в зал, как вихрь

Культура. — 1997. — 25 дек. — с. 11

Премьера телефильма

Андрея Хржановского "Олег Каган. Жизнь после жизни"

КАНАЛ "КУЛЬТУРА"

Ирина КОСМИНСКАЯ

Зрителя восхищают три вещи. Первая: у этого фильма трепетный, живой герой. В некоторых кадрах он стоит, словно Питер Пэн в знаменитом эпизоде на скале, и улыбается, а где-то внутри него бьет, помните, маленький барабанчик, выстукивающий такие слова: "Что ж, умереть — это ведь тоже большое и интересное приключение". Но даже в волшебных историях скалы неумолимо уменьшаются, и требуется чудесная птица, чтобы герой жил вечно.

Попробуйте взять на себя роль птицы Нет. Попробуйте сделать фильм под названием "Жизнь после жизни". Попробуйте показать своего героя так, что, кажется, надпись "Live" лишь случайно не светится в верхнем углу кадра.

Вещь вторая. Как-то не приходилось видеть, чтобы о музыкантах снимали подлинно увлекательные картины (известная загвоздка жанра). Но эта — из редких, в которых хорошо, интересно, увлекательно говорит множество людей. Все знают, что случайно цепь интересных интервью не родится — это труд. Рабочий материал вырос в яркие параллельные образы.

И есть еще кое-что. Сложно сделать фильм о музыканте без того, чтобы законы кино и музыкальной формы не "поссорились" между собой. Фильм об Олеге Кагане — исключение. Они тут "состоят" как бы в счастливом браке, который заключен, не засмейтесь, по правилам, на небесах. Ибо фильм полон вдохновения.

Не надо сразу думать, что именно режиссер — тот единственный пузатый резервуар, доверху наполненный этой нежной субстанцией, сплавляющей музыку и кино. Он вносит свой личный вклад как раз скромно, как человек, возлагающий маленький венок к уже усыпанному цветами портрету. Но зато

его можно сравнить с продавцом воздушных шаров, в коллекции которого каждый красивый шар — это вдохновение, принесенное в фильм большим талантом, с которым работали во время съемок. Как зритель я думаю, что самая большая режиссерская заслуга — в гармонии этого разноцветного сокровища. Она, опять же, не может быть случайной. Это появляется от напряжения клеточек.

Например, в таких фильмах, построенных на воспоминаниях, обязательно бывает некая галерея лиц. Здесь, в 1-й части, она необычна: суровые женщины — и нежные, романтические мужчины. Вдова Наталия Гутман, вечная Нина Львовна Дорлиак — и упоительный Ростропович ("Я думаю об Олеге как о человеке исключительной нежности... к друзьям, музыке, к своему инструменту"...), вечный романтик Башмет, небожитель Шнитке. Похоже на (испанский!) театр: гордые королевы и рыцари. Каждый, не лицедействуя, "делает" свою часть фильма, свое действие. Играет в нем только Каган. Удивительное, антипоминальное впечатление. Действительно жизнь. Только чуть пронзительней, чем в той жизни, смычок на фоне детских фотографий и огней проносающегося поезда, на фоне осыпавшихся карнавальных конфетти и вечной (она не мерста, она уже символ) консерваторской сцены.

Мы можем найти в фильме и чистой воды театральный кусочек про фестиваль в Кухно. Там музыканты со своими инструментами вытворяли разные веселые, даже хулиганские камерные вещи. С улыбкой и такой опасной отдачей... Очень весело — а думается о том, какая хрупкая психика у этих талантливых людей. И возможно, горящая свеча, огонек пламени размером с экран, мог быть и здесь, в этом кадре, в разгар профессиональных шалостей, а не только в том месте, где ведется разговор о бессмертии души. Это лейтмотив, верно?

А дальше, по чисто музыкальным законам, начинаются интермеццо, как в барочной сюите. Одно семейное ("Олег был очень

заботливый отец") с прелестной музыкальной заставкой, второе пейзажное (снятые им любительские кадры, какой-то вдруг важный грузинский жуток), потом опять — о накале жизни, работы, как напряженно репетировали в заброшенном пустом московском доме... Венчает их финальная игра, большущий "рихтеровский" кусок, о дружбе и работе до самой встречи перед смертью в Мюнхене.

Совершенно очевидно, что там, где музыкант нутром чует баховскую сюиту с ее философией, человек от кино выстроит эту последовательность, исходя из других законов. Что ценно, потому что по другим аналитическим правилам обязательно будут упомянуты рядом со свечой и метроном (а у нас был маленький барабанчик из детской книжки), и белая чайка, лиман, и алые мадонны Флоренции, и распахнутое ветром окно с колыхающимися занавесками, как в кинокартинах о тургеневских девушках (в широком смысле). И придуманный мчащийся поезд — конечно, находка, не спорим. И лица персонажей фильма будут видны из окошек его купе, а у нас, помнится, была чуть ли не средневековая галерея в графском замке из рыцарей и королев. Кстати, музыканту окно, иллюстрирующее рассказ Юрия Башмета, кажется уже очень простым. Опоздавший Олег как вихрь влетел в консерваторский зал и впился глазами в Башмета, уже сидевшего в партере с молоденькой Наташей (Наталией Гутман) на его месте, потому что концерт начался, музыка уже звучала. Однако, как Башмет, не расскажешь. У него все приподнято, необыкновенно, он действительно принес в фильм этот самый вихрь, который иллюстрация окошка вроде бы исчерпывает, но нет: настоящий вихрь будет дальше в кадрах, где мастерски, просто мастерски дан образ Олега Кагана. Он перед нами экспансивный, живой, живее живых. И без башметовских слов так бы не было.

Обилие крупных планов тоже чуть раздражает меломана. Это для другого зрителя. Но, возможно, восприятие меломана — это восприятие узкого меломана?

Крайне не хочется производить впечатление, что знаешь, что нужно было сделать для совершенства, а что убрать. Это только какая-нибудь реклама фотоаппаратов настаивает на его достижениях, а искусство, бедное, шагает и шагает к нему вот уже тысячи лет.